

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПОДПОЛЬНЫЙ
ОЛИГАРХ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Подпольный олигарх / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Русский
бестселлер. Избранное).

ISBN 978-5-04-097058-2

Тайга надежно прячет следы преступлений, страх заставляет людей молчать. Раненный в жестокой схватке за золото рабочий прииска решил рассказать все. Два сыщика из Москвы – Лев Гуров и Стас Крячко — вылетели в таежный район, чтобы разобраться на месте в творящемся там беспределе, который чинят местные бандиты. Тем более когда их покрывает депутат местной Думы. Но сыщики не продаются, их не запугаешь, на них не действуют депутатские корочки. Их можно только уничтожить. Но и это сделать довольно трудно. Даже оказавшись в таежном болоте, легендарные сыщики выходят сухими из воды. Преступники не уйдут от наказания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097058-2

© Макеев А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

***ПОДПОЛЬНЫЙ
ОЛИГАРХ***

Глава 1

Василий Кустов, бульдозерист прииска Синяжский, проснулся непривычно рано для себя, когда за окном вагончика еще только начало светать. Он долго не мог понять причины столь ранней побудки. Обычно в это время он еще безмятежно блуждал по лабиринтам уютного мира сновидений и просыпался лишь после настойчивой трели будильника, незадолго до завтрака. Он нашарил под подушкой сигареты и зажигалку и неспешно закурил. Но мгновение спустя вскочил со своего топчана как ошпаренный. До него вдруг дошло, в чем причина этой странной бессонницы: в комнате царил тишина, нарушаемая лишь тиканьем будильника да ранней перебранкой птиц на соседних деревьях.

Присмотревшись, он с удивлением обнаружил, что постель его соседа по «кубрику» пуста и даже не разобрана. Получалось так, что его давний приятель, сварщик Виктор Упорин, хохмач и балагур, ночевать не приходил вообще. Будучи заядлым рыбаком, он все свободное время проводил на речке Сабельной, к которой примыкал распадок, где и базировался прииск. С сетями и удочками Виктор, случалось, засиживался далеко за полночь, несмотря на то, что с утра ему предстояло вставать вместе со всеми и тянуть обычную для прииска двенадцатичасовую смену.

Без улова он никогда не возвращался. Ввалившись в кубрик в первом, а то и втором часу ночи, он бесцеремонно будил Василия, демонстрируя тому хариусов,

окуней, шук, судаков, которых на следующий день отдавал на кухню или раздаривал всем желающим. Потом, едва успев раздеться, как подкошенный падал на свой топчан, оглашая «кубрик» могучим раскатистым храпом, при котором способен был заснуть лишь один Василий. Собственно, поэтому в «кубрике», рассчитанном на четверых, обитало всего двое.

Василия разбудила тишина — настолько он привык к Витькиным руладам. Если разобраться, тот без всяких поцелуев смог бы разбудить Спящую красавицу, случись той уснуть заколдованным сном рядом с ним. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и Василий при всем своем спокойствии и многотерпении иногда был вынужден вставать и пихать Виктора в бок кулаком, если тот, превзойдя самого себя, перебирал по децибелам.

Теперь такая, казалось бы, желанная тишина тревожила и пугала. Окончательно забыв про сон, Василий курил, сидя на топчане и размышляя о том, что же могло произойти.

Упорин в отличие от всех прочих, отправившихся на прииск за пресловутым длинным рублем из обнищавших за годы передряг и потрясений Поволжья, Новгородчины, Курской и иных областей, был из местных, сибиряк невесть в каком поколении. Витька всерьез уверял приисковых мужиков, что его давний предок служил есаулом в войске самого Ермака Тимофеевича. Он приехал на Синяжский из деревни, затерявшейся в лесах в сотне верст от прииска. Потомственный охотник и пахарь, Витька пренебрег семейными традициями и подался в золотодобытчики, что не очень одобрялось односельчанами, в большинстве своем старообрядцами. Но врожденного внутреннего зуда промысловика он так и не смог превозмочь.

Приисковая братия к Витькиной страсти, выход которой он давал в рыбалке, относилась снисходительно, хотя и изощрялась в острогах по этому поводу. К тому же увлечение Упорина служило не только хорошим по-

водом поупражняться в сочинении анекдотов, но и неплохим подспорьем для столовского меню. Среди золотодобытчиков славился рыбный пирог в Витькином исполнении. Когда Упорина допекали расспросами о том, чем же он занимается на Сабельной в поздние полночные часы, Виктор добродушно отшучивался:

— С водяным в картишки перекидываемся, с русалками хлеб-соль вожу. Глядишь, какую и сосватаю!

— Додружился, ек твою горбушку! — торопливо натягивая одежду, сердито бормотал Василий. — Кабы в сеть не запутался да не пошел ко дну пузыри пускать!

Он запрыгнул в сапоги и открыл дверь в соседний «кубрик» вагончика.

— Парни, ну-ка, просыпайтесь. Просыпайтесь, ек вашу! Витьку ночью никто не видел? Никто не заметил, приходил он или нет?

Недовольно кряхтя, ворча и вздыхая, на топчанах заворочались сонные приисковики. Долговязый токарь Виталька, протирая кулаками глаза, сердито пробурчал:

— Тебе чего не спится? Что вскочил ни свет ни заря? Теща, что ли, во сне привиделась?

— В самом деле, — потягиваясь, зевнул в дальнем углу мордастенький крепыш Димка. — Чего панику разводишь? Никуда он не денется, твой Чалдон. Небось столько хариуса натаскал, что и не унести. А бросить жалко...

— Да ну вас! — сердито хлопнул дверью Василий, выбегая из вагончика.

В лесном лагере золотодобытчиков, состоящем из двух длинных бревенчатых барачков и нескольких вагончиков, разбросанных по поляне, царила сонная тишина. Безмятежно спала и сама природа — ни одна ветка не колыхалась на окружавших поляну соснах и елях. Невысокие окрестные сопки, которые и образовывали золотоносный распадок, поросшие густым лесом, чуть розовели в свете разгорающейся утренней зари. Лишь стайка горластых кедровок металась между верхушек деревьев, нарушая тишину хлопаньем крыльев и хри-

плыми криками. Стараясь отогнать дурные предчувствия, Василий скорым шагом направился к Сабельной. До тех мест, где обычно рыбачил Виктор, ходу было всего каких-то десять-пятнадцать минут. Громко топая сапогами по неровной, каменистой тропинке, Василий даже не заметил, как сам с собой начал разговаривать вслух:

— Ну вот что, что там приключилось? Далась тебе эта рыбалка, ек твою горбушку, — на ходу бормотал он. — Понесло тебя на ночь глядя...

Когда он миновал цветущий куст шиповника и стал спускаться по пологому склону к речке, до его слуха донесся какой-то непонятный звук, напоминающий слабый стон. Василий замер как вкопанный и, затаив дыхание, напряженно стал вслушиваться. Он никак не мог понять — был ли стон на самом деле, или это ему только померещилось. Но менее чем через минуту из-за плотной стены молодого ельника вновь донесся еле различимый мучительный протяжный стон. У Василия по спине пробежал холодок. «Уж не зверь ли на него ночью напал?» — продираясь через густую завесу колючих лап, размышлял Василий.

Шагах в пятнадцати от тропинки, на траве, залитой кровью, он увидел своего друга, лежащего ничком. Но, как с первого же взгляда понял Василий, тут не было никаких признаков того, что на Виктора напал хищник. Три кровавых пятна на спине и развороченная кожа на темени свидетельствовали об одном: его кто-то пытался убить. Но кто и почему стрелял в безобидного, бесконфликтного парня? Кому и чем он мог насолить?

Вид пулевых ранений говорил о том, что убийца стрелял Упорину в спину и даже позаботился о контрольном выстреле в голову. Но, видимо, в темноте просчитался, и пуля прошла по кости черепа вскользь.

Пронзительные удары била, в качестве которого на куске толстой проволоки был подвешен «газоновский» колесный обод, переполошили всех без исключения.

Из вагончиков и барачков высыпали сонные полуоде-тые люди, готовые ощутить гарь лесного пожара или увидеть иную гибельную напасть. Но и то, что случилось с их товарищем по работе, приисковики восприняли как событие чрезвычайное. Тут же по радиосвязи была запрошена санитарная авиация. Сообщили о случившемся и в райотдел милиции.

Сине-белый с красными крестами «Камов», изрядно потрепанный временем, по-стрекозиному сверкая лопастями винтов, приземлился через полтора часа. Прибывшая с вертолетом молодая строгая докторша оценила состояние Упорина как крайне тяжелое. Посоветовав, что до областной клиники он, скорее всего, не дотянет из-за большой потери крови, она объявила, что доставит его в ближайшую районную. Василия и Димку, которые усиленно набивались сопровождать Упорина до больницы, чтобы там обеспечить его своей кровью, докторша выпроводила из салона вертолета, навечно пропахшего лекарствами и чем-то специфически авиационным.

Но к вечеру того же дня в районную больницу поселка Кузоево на запыленной «копейке» примчались четверо мужчин с парой крупных волкоподобных лаек. Участковый Шаньгин, зайдя взглянуть на пострадавшего, с удивлением увидел в больничных воротах рослых незнакомцев с охотничьими карабинами в сопровождении собак. Прибывшие люди, суровые и немногословные, сообщили ему, что они родичи Виктора из деревни Упорино, которая расположена в соседнем районе, где почти все жители — Упорины. Узнав о том, что случилось с Виктором, односельчане всей деревней направили в Кузоево для охраны лучших охотников, поскольку были уверены, что негодяи, пытавшиеся его убить, вряд ли успокоятся, пока не доведут свой замысел до конца. Да и кровь могла потребоваться.

Выслушав Упориных, Шаньгин оказался в затруднительном положении. Как службист, он не мог допустить, чтобы на территории больницы обретались

вооруженные люди, пусть даже и прибывшие с самыми благими намерениями. Но и не дать им возможности защитить родственника ему тоже показалось неправильным, поскольку он и сам считал бесспорным — убийцы до Виктора обязательно постараются добраться и здесь. Пообещав утрясти этот вопрос с начальником милиции, Шаньгин вполголоса посоветовал:

— Дежурить — дежурьте, только в больницу не заводите собак и спрячьте оружие, чтобы его видно не было.

Вскоре, несмотря на протесты главврача, один из охотников встал в караул у двери палаты, где в бессознательном состоянии лежал Упорин. Свой карабин он спрятал в углу за шторой. Еще один с собаками взял под контроль территорию больничного двора.

Лишь на третий день Виктор Упорин наконец пришел в себя. Светила уездной медицины ахали, дивились крепости его организма, разводили руками... Еще через день с согласия главврача и условно узаконенной к тому времени самодеятельной охраны — райотдел, у которого остро не хватало сотрудников, для приличия покобенившись, все же дал свое «добро», — к Упорину был допущен следователь районной прокуратуры. Однако его визит оказался пустой тратой времени — Виктор объявил, что не помнит ничего абсолютно. Лишь Шаньгину по секрету он сообщил кое-что определенное, рассказав о том, что той ночью он стал случайным свидетелем разговора двух человек, обговаривавших детали криминальной сделки. Но ни имен этих людей, ни подробностей разговора сообщать не стал, пообещав открыть все без утайки в присутствии кого-нибудь из Москвы — и никак не менее того.

— Акимыч, тебе я доверяю, — голос Упорина был еле слышен, но тверд, — а вот всем остальным ментам, вплоть до области, не верю ни на грош. Год назад ни за что посадили моего друга, а сесть должен был сын прокурора.

— Да кто же сюда потащится, из Москвы-то? — Шаньгин пожал плечами. — И там не все святые, и тут не все грешники. И там такое же бывает.

— Знаю, — кивнул Упорин. — Но все равно говорить буду только с теми. Не приедут — значит, не судьба.

Глава 2

Направляясь к генералу Орлову, Гуров заранее пытался предугадать, какой же сюрприз приготовил ему сегодня старый приятель.

Тот был прямо-таки кладезем всякого рода служебных сюрпризов. Причем преподносил он их, как правило, в самый неподходящий момент. Вот и теперь, когда Гуров вплотную подошел к раскрытию хитро законспирированной группировки квартирных аферистов, имевших обширные связи с коррумпированными чиновниками как в столичных, так и в федеральных контрактах, Петр запросто мог попросить его передать это дело другому. А Гурову опять подбросить что-нибудь из тех крепких орешков, на которых уже обломало зубы немало маститых оперов. И это при том, что в ближайшие дни Гуров планировал выйти на ряд крупных тузов из некоторых департаментов и министерств... Ох уж эти многообещающие срочные вызовы пред светлые начальственные очи!

Вопреки стремлению Гурова сохранять внешнюю невозмутимость, его далеко не самые радужные ожидания каким-то образом все равно нашли свое отражение в его жестах, взгляде, походке. Обменявшись с ним крепким дружеским рукопожатием, генерал Орлов без особых предисловий коротко и буднично объявил:

— Лева, твоя тревога не напрасна — дело о квартирных аферистах придется передать другому. Я так думаю, с этой работой, учитывая, что она уже практически завершена, теперь спокойно справится и Володя Твердов. ■

Тем более что он — твой ученик, хватка у него крепкая. А тебе...

— Петр! Ну, поимей же совесть! — укоризненно вздохнул Гуров. — Без ножа мой двухнедельный труд режешь. Согласен, Володя — парень и хваткий, и дошный. Но ведь ему придется изобличать не мелких урок, а выводить на чистую воду жулье крупного масштаба. При чинах, при покровителях, в условиях беспардонного нажима. Сдюжит ли? Боюсь, упустит он вожжи, и рухнет это дело, как карточный домик. Вот и получится: на ровном месте — да мордой об асфальт!

— Ну так и подготовь его, чтоб не рухнуло. Как следует введи в курс дела, обговори каждый нюанс. Думаю, он сдюжит. Ну, не злись, не злись, Лева, так надо. Тебе предстоит взвалить на себя дело куда более серьезное. Вот, кстати, его-то Твердову я не рискнул бы предлагать. Там, я так понял, ситуация намного сложнее.

— Опять придется ехать куда-то очень далеко? — с усмешкой поинтересовался Гуров.

— Да где там! — обнадеживающе махнул рукой генерал. — Всего-то лететь часов пять-шесть-семь... Далеко не на край света. А разобраться тебе предстоит вот с чем. На одном из золотодобывающих предприятий, по-моему, прииске Синяжский, кто-то пытался убить работника артели. Стреляли в упор, наверняка, но парень выжил. Сейчас он там в местной районной больнице, уже идет на поправку. Дня три был без сознания, а когда пришел в себя, объявил, что говорить о случившемся с местными милиционерами не хочет категорически. Располагает, мол, какой-то архиважной информацией.

— Случай, конечно, заслуживающий внимания, — согласился Гуров. — Но почему ты считаешь, что заниматься им должен обязательно я?

— Потому что эта история очень темная, со сплошными непонятками. Начнем с того, что информацию о случившемся мы получили из неустановленного анонимного источника. Кто-то сбросил письмо по элек-

тронной почте на адрес главка. Мы сделали запрос в тамошнее УВД, и выяснилось, что информация о попытке убить приисковика, поступившая к нам, абсолютно достоверна. Впрочем, коллеги из управления нас уверили, будто это всего лишь заурядная бытовуха, тогда как из письма явствует, что на прииске Сияжский кто-то намеревается провернуть крупную аферу. Можно предположить, что речь идет о хищениях драгметалла. И этот пострадавший — либо сам участник криминальной группировки, которого решили убрать свои же, либо случайный, нежелательный для них свидетель, от которого попытались избавиться.

— Хм... — Гуров задумался. — Но если его убить не смогли, так сказать, с первой попытки, то где гарантия, что в дальнейшем не попытаются ее повторить?

— Само собой разумеется, — кивнул генерал. — Скорее всего, именно из-за этого пострадавший и не спешит откровенничать. Его охраняют родственники, профессиональные охотники-белковщики. Автор письма обеспокоен тем, что их уже пытались под благовидными предложениями выставить с территории больницы.

— Хорошо. — Гуров посмотрел на часы. — Когда отправляться, я не спрашиваю. И так понятно, что чем быстрее, тем лучше.

— Да, выезжаешь сегодня же. Командируем тебя и Стаса Крячко. Даже если судить по тому, что мы уже знаем, тебе одному там пришлось бы нелегко. Поэтому потребуется хорошая подстраховка. Сейчас хорошенько поработай с Твердовым, проинструктируй, объясни, растолкуй. Часа три на это хватит вполне. Ну, час на сборы и прощание с женой. И в дорогу!

— А почему бы не наоборот? — засмеялся Гуров. — Час — на Твердова, три — на жену и сборы... Вот не знаю даже почему, но наш сегодняшний разговор очень мне напоминает что-то похожее, происходившее не единожды. Прямо дежавю какое-то. Посуди сам: уже не первый раз расследую дело, по твоему же определению — архиважное. На самом интересном месте ты